

**Виталий Ларичев
Геннадий Пиков
Людмила Тюрюмина**

Юаньский проект

Виталий Епифанович Ларичев – доктор исторических наук, академик РАН, заведующий сектором Института археологии и этнографии СО РАН.

Геннадий Геннадьевич Пиков – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета.

Людмила Васильевна Тюрюмина – переводчик, внештатный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

Интерес к истории восточноазиатских государственных образований у Новосибирских учёных существует давно. Одной из наиболее значительных вех и закономерным этапом в этих исследованиях стала начатая в конце 90-х годов прошлого столетия работа по изданию ряда принципиально важных текстов, представляющих собой перевод трёх китайских династийных историй «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юаньши» на маньчжурский язык.

Династийные хроники – самые ранние из дошедших до нашего времени образцов маньчжурской литературы. Издание их было предпринято правящим двором маньчжурской династии Цин (1644–1911) с целью демонстрации величия предков, их преемников и продолжателей в эпопее завоевания Срединной империи. Определённый тенденциозный отбор исторических фактов, зафиксированных в китайских источниках, как и редактирование текстов составителями хроник диктовались задачей всемерно возвеличить империю Цин.

Насколько можно судить по предисловию, сочинение хроник началось в 1636 г. в Мукдене и было закончено в 1639 г. Это было сделано по распоряжению маньчжурского императора Тайцзуна. В результате появились маньчжурские варианты – «Айсинь гуруни судури», «Дайляо гуруни

Империя Юань. Из книги: Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.

судури» и «Дайюань гуруни судури». Все три «Истории» вышли в свет в 1646 г., по-видимому, в Пекине. В составлении «Историй» принимали участие многие лица. У истоков проекта стояли видные учёные и литераторы Дахай, Эрдени и глава департамента церемоний Хифэ. Непосредственными исполнителями были переводчики Чабухай, Нэнтү, Вэчэнгэ, толкователи Ван Вэнь-куй и Ли Хун-юй, «материалы привёл в порядок и вычеркнул ненужное» Хукю.

Перевод маньчжурского варианта «Цзинь ши», сделанный Г.М. Розовым, стал первой частью программы по изданию маньчжурских текстов XVII в. После издания маньчжурского варианта «Истории Золотой империи» началась подготовка к пуб-

ликации маньчжурского варианта «Ляо ши» – «Дайляо гуруни судури»¹.

После завершения перевода «Дайляо гуруни судури» осталось ввести в научный оборот третий источник – маньчжурский вариант «Юань ши», с чем и связан так называемый «Юаньский проект».

Составление китайской династийной истории «Юань ши» было начато в 1368 г. по приказу первого минского императора Чжу Юань-чжана. Составлена она была по канонам, утверждённым ещё «отцом китайской истории» Сыма Цянем

¹ См. об этом подробнее: Ларичев В., Пиков Г., Тюрюмина Г. Киданьский проект. ВК № 4/2003. (Примеч. ред.)

в «Ши цзи» (I в. н. э.) Хроника была закончена в рекордно короткий срок – всего за 331 день группой из 16 сведчиков и 14 помощников под руководством известных историков Сун Ляна и Ван Вэя. В основе хроники лежат официальные монгольские тексты, попавшие в руки победившей китайской династии, так называемые «Бэньцзи» («Основные записи»), т. е. записи о деятельности отдельных императоров, составившиеся на базе «шилу», официальных записей, которые велись ещё при жизни императоров. Эти тексты очень тщательно и неоднократно редактировались. Использовались также другие источники.

Хроника отличается от других династийных историй некоторой отрывочностью и несистематизированностью информации. Не все официальные монгольские материалы оказались доступны китайским историкам в период господства династии Юань, тем более написанные не на китайском языке. Другое дело – частные архивы

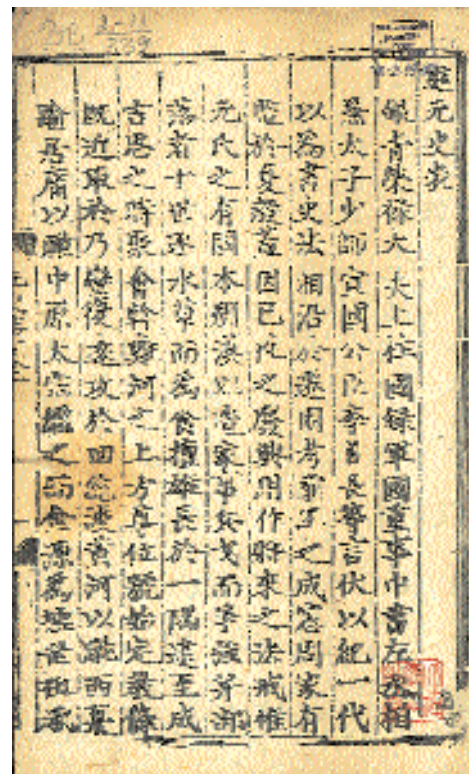
и собрания. Китайская династийная история «Юань ши» сознательно фильтровала исторический материал с позиций своего времени и видения. Так например, в ней отсутствует генетический ряд, начинающийся в «Сокровенном сказании» с Борте-Чино, и вообще многие сведения родословного характера.

«Юань ши» как наиболее полный и представительный источник информации о Китае и монголах привлекла внимание европейцев практически ещё в монгольское время, свои знания о политической истории и общественном строе Восточной Азии они черпали именно из этой хроники и впоследствии. Отрывки из «Юань-ши» переводили или чаще пересказывали многие русские (Березин, Иакинф, Палладий, Бартольд В.В., Кычанов Е.И. и др.) и западноевропейские учёные (Катрмер, Дуглас, Бретшнейдер, Блоше).

Использовал «Юань ши» в своих изысканиях и А.Г. Владыкин (1761–1811), который, вероятно, первым перевёл её на русский

Начальные страницы книги Сун Ляна «Юань Ши» 1532 (справа) и 1874 (слева) годов издания.

язык под названием «История царства Мунгальского». Как указывает известный исследователь П.Е. Скачков, «где находится... рукопись, пока неизвестно».

Не мог обойти своим вниманием эту хронику и великий русский синолог, первый профессиональный исследователь истории Дальнего Востока о. Иакинф (Н.Я. Бичурин). Возвратившись из Китая, он привёз 12 ящичков книг, среди которых были и книги по истории династий Ляо, Цзинь, Юань. Основываясь на них, он написал впоследствии ряд важнейших трудов, в том числе «Описание монгольского народа», «Записки о Монголии» (1828), «История первых четырёх ханов из дома Чингисова» (1829). Здесь особо надо отметить именно «Историю...», в которой была использована «Юань ши». Впервые в синологической литературе Бичурин сделал перевод нескольких глав из раздела «Бэньцзи» этой хроники: краткие биографии Чингисхана.

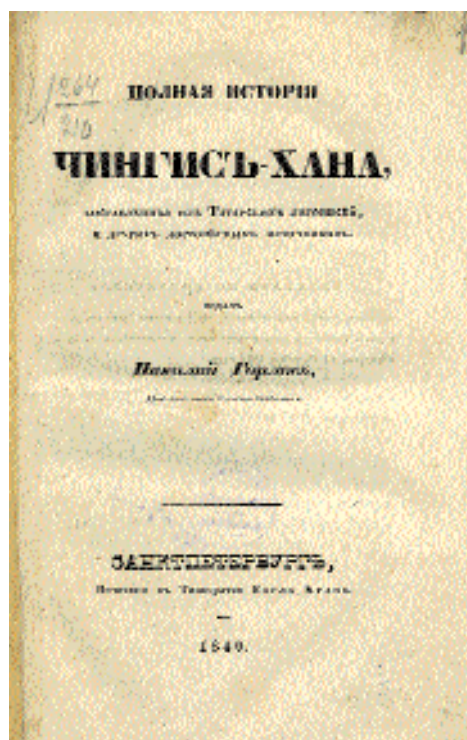
Материалы «Юань ши» широко использовали в своих работах русские и западноевропейские востоковеды.

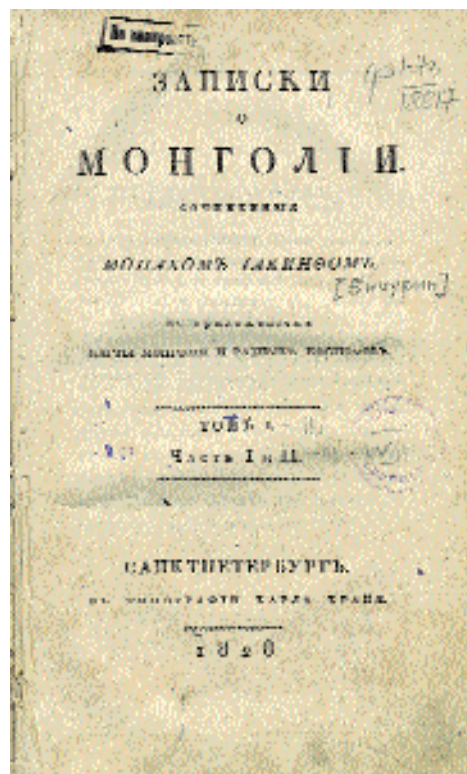
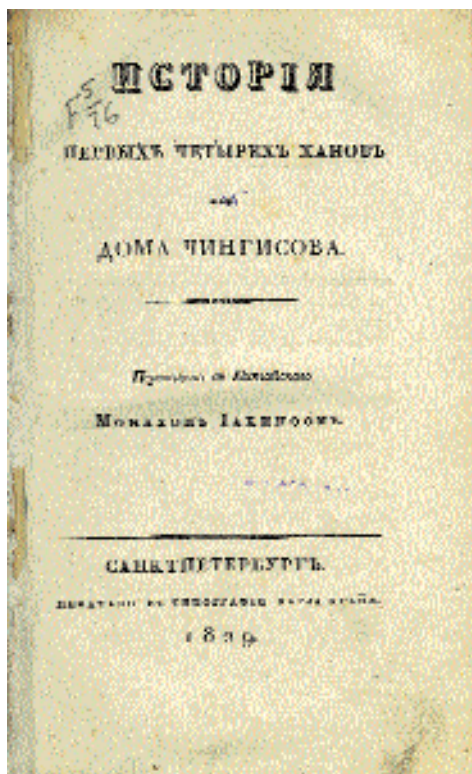
Однако, как ни странно, интерес к маньчжурским историческим сочинениям был не очень большим. Вероятно, это объясняется чисто историческими и идеологическими причинами. Уже ко времени воцарения в Китае маньчжурской династии Цин китайская историческая литература зафиксировала целое море разнообразней-

ших фактов. Начиная с Сыма Цяня, при каждой династии создавались многотомные исторические хроники и географические описания. Эти исторические и географические данные вплоть до начала XIX в. оставались вне поля зрения китаистов. Когда же началось научное изучение истории и культуры Востока, оно стало опираться именно на подобного рода «банки информации». Компильции из донесений миссионеров и маньчжурских пересказов собственно китайских книг не могли удовлетворить требованиям набирающей опыт европейской исторической мысли.

Сказалось и то, что история Востока в целом и кочевников в частности воспринималась через определённые идеологемы. Европейцам оказалась близка и понятна китайская идея существования «варварских народов», тем более что и в европейской цивилизации существовала модель «ядро – периферия». Неудивительно, что на протяжении последующих столетий они смотрели на историю кочевых народов глазами китайцев и практически без малейшей критики воспринимали их исторические схемы.

Свою роль сыграл здесь и европоцентризм. Идеи, рождённые Ренессансом, Реформацией и Просвещением, способствовали модификации западной цивилизационной парадигмы, которая стала активно транслироваться во времени и пространстве. Итогом стала концепция «магист-

рального пути развития человечества», по которому идут европейцы и на который рано или поздно должны выйти все остальные народы. Кочевники при этом, как «недоразвитые», были объявлены «тупиковым» вариантом развития¹. Явно сказался и вековой выработанный страх оседлой цивилизации перед кочевниками, поэтому европейцев очень долго интересовали исключительно военные аспекты истории кочевых народов.

Конечно, маньчжуры сознательно фильтровали китайские тексты и использовали практически только тот материал, который был пригоден им для нужд государственного строительства. Кочевые империи представлялись как могущественные государства, умело управлявшие подвластными китайцами. И хотя по культуре и ментальным особенностям маньчжуры в то время были ближе к кочевникам, чем к оседлым китай-

цам, их история так или иначе до сих пор рассматривается в рамках тех историософских парадигм, которые были характерны для оседлых цивилизаций. Не менее любопытно было бы выявить, какие образы оседлых культур возникали у тех или иных кочевых народов.

К тому же история и культура Маньчжурии стали объектом изучения сразу двух научных дисциплин – синологии и маньчжуроведения. В некотором смысле место истории и культуры маньчжуров в истории дальневосточного метарегиона не было определено достаточно чётко. В научном востоковедении и дипломатической практике вплоть до начала XX в. маньчжуры считались практически китайцами. В какой-то мере это объяснялось тем, что конвергенция китайской и маньчжурской культур зашла достаточно далеко, уведя маньчжурскую культуру в тень китайской. Она явно недооценивалась.

«Вывихнутый» XX в. с его мощными геополитическими и социальными катаклизмами, культурно-идеологическими кризисами, стремлением к максимальной деидеологизации, доходящей до атеизации культуры, снова пересматривает «дорогу истории». С одной стороны, это стимулирует переход к максимально объективному научному подходу к истории, но с другой – растёт информационный хаос, и ситуация требует срочного разрешения под

¹ История кочевников понималась не как детерминированный исторический процесс. И потому вплоть до настоящего времени очень многие теоретические проблемы номуадизма остаются дискуссионными. Между тем, решение этих проблем имеет большое методологическое, философское и историческое значение и непосредственно влияет на многие общесоциологические проблемы (механизмы и формы разложения первобытно-общинного строя, формирование раннеклассовых обществ, соотношение процессов классообразования и политогенеза, соотношение циклического и линейного развития, многолинейность и многовариантность общественного развития, типология обществ, взаимоотношение обществ, стоящих на различных ступенях развития и др.). (Здесь и далее – *примеч. авторов*).

Чингисхан. Из альбома династии Юань, обнаруженного в Императорском дворце в 1928 г.

древним народам, и прежде всего кочевым, без новых потерь пройти не удастся. Их история будет осмысливаться к тому же с помощью системы категорий, которая возникла на другой стороне планеты и в другое историческое время.

Неудивительно, что в условиях сложного и противоречивого развития евразийских цивилизаций возник широкий и устойчивый интерес к истории и этнографии самых различных народов, в том числе и к маньчжурской культуре. Вполне логическим явлением в этом ключе стало изучение маньчжурских текстов.

История перевода «Юань ши» на русский язык связана с именем Павла Ивановича Каменского (1765–1845); в монашестве с 1820 г. – архимандрит Пётр. Это имя хорошо известно отечественным китаеведам в том числе и потому, что многие архивные синологические коллекции появились в России при его непосредственном участии. Однако недостаток информации о жизни и деятельности этого исследователя (о нём написано только несколько статей) сказался на том, что периодически обнаружится не совсем лестное мнение о нём как об учёном. Достаточно вспомнить высказанное ещё в XIX в. мнение академика В.П. Васильева: «всеми уважаемый

эгидой новой идеологической схемы. Есть опасность, что либеральная идея, пришедшая на смену религиозной, создаст свою систему фильтров, через которые многим

Историк Миньцзи

Солдат Миньцзи в обмундировании

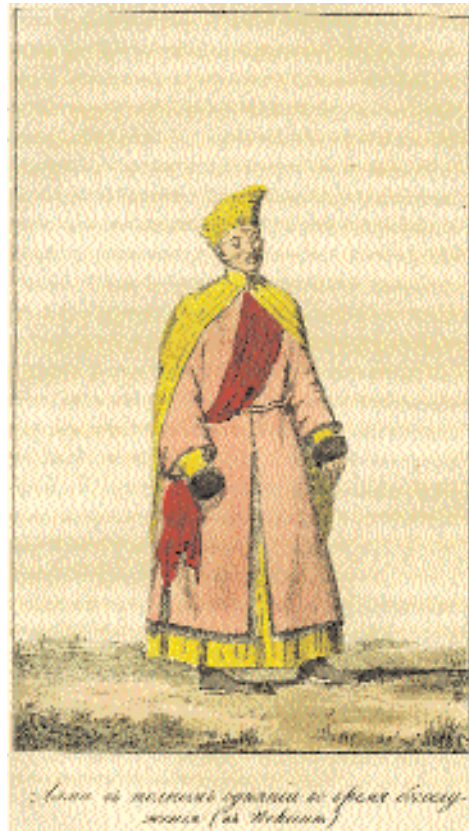
старик, безукоризненный, но недалеко-видный». Вероятно, не случайно даже в киносценариях на историческую тему архимандрит Пётр предстаёт воплощением мракобесия и реакции. Против такого подхода к личности и деятельности Каменского в своё время принципиально выступил известный востоковед Е.И. Кычанов: «За всей научной деятельностью Каменского или стоит неблагоприятное стечение обстоятельств, или кроется какая-то тайна. Сложился миф, что он недостаточно знал китайский язык. Но это именно миф, и не только потому, что Каменский, как никто, долго жил в Китае, но и потому, что он оставил в своем научном наследии русско-китайский словарь и разговорники. Именно миссия П.И. Каменского подготовила самое большое число учеников, способных по возвращении из Китая к практической работе с языками». Разгадку, по мнению учёного, надо искать в том, что Каменский вернулся из Китая, когда другой выдающийся китаевед – архимандрит Иакинф (Н.Я. Бичурин) триумфально вошёл не только в русскую, но и в мировую синологию: «Бичурин в известной мере заслонил Каменского». И всё же заслуги двух корифеев китаеведения были различными, вероятно и потому, что в отличие от Бичурина, Каменский больше внимания уделял не

Хан Хубилай. Из альбома династии Юань, обнаруженного в Императорском дворце в 1928 г.

изучению истории и культуры Китая, а распространению там православия.

Павел Иванович Каменский был сыном священника. Он окончил духовную

Автопортрет Иакинфа Бичурина в образе «благородного китайца». Из книги: Иакинф (Бичурин). Записки о Монголии. СПб., 1828.

семинарию в Нижнем Новгороде (1787), где обучался латинскому и древнегреческому языкам (он знал их в совершенстве), поэзии, риторике, философии, богословию, географии и математике. Проработав три года учителем в народном училище г. Балахны, поступил в Московский университет (изучал логику, математику, всеобщую историю и естественное право). Работа в качестве помощника надзирателя в Петербургском воспитательном доме его не удовлетворила, и он выразил желание уехать в Китай. В феврале 1793 г. по указу Святейшего правительствующего синода П.И. Каменский был включён в состав Восьмой Российской духовной миссии в Пекине, которую возглавлял архимандрит Софроний (Грибовский), в качестве ученика китайского и маньчжурского языков. В Пекине, Па-Лао, как звали здесь Каменского, помимо работы в Лифаньюане (Палате внешних сношений), занимался переводами, особенно с маньчжурского, исторических сочинений. Им были переведены

(в ряде случаев начатые переводы были завершены позднее): раздел «Бэньцзи» из «Юаньши», «Журнал, ведённый в Пекине по случаю прибытия из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария», «Описание дел Джунгарии», «Падение Минской, а начало Маньчжурской, в Китае царских династий, или жизнь изменника Лидзычина» и другие работы. Позднее П.И. Каменский утверждал, что «Пекин для учёных миссионеров есть прекрасная школа, рай, а для невежд мучительнейшая неволя».

Когда миссия вернулась в Россию (1808), Каменский был определён в министерство иностранных дел переводчиком. В эти годы он много работал над составлением китайско-монгольско-маньчжуро-русско-латинского словаря. Издание словаря не было осуществлено по ряду причин. Публиковать книги с китайским шрифтом в то время ещё не умели. К тому же этот труд получил весьма неблагоприятные отзывы, в том числе

и Н.Я. Бичурина. Наконец, в 1818 г. Каменского назначили начальником Десятой духовной миссии в Китай (1821–1830). Незадолго до отъезда он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук по разряду литературы и древностей Востока, членом парижского Азиатского общества, членом копенгагенского Общества северных антиквариев и Вольного общества любителей науки и художеств.

Основную цель очередной русской православной миссии составляло богослужение, проповедание Евангелия, поддержание веры в исповедовавших православие албазинцах (потомках русских жителей крепости Албазин, взятых в плен китайцами в 1685 г.). Однако со временем миссия расширила круг своих занятий, появились также научные послушания – изучение Китая, его языков, истории и религий. До 1863 г. члены миссии выполняли также и дипломатические функции.

П.И. Каменский возглавил миссию в возрасте 54 лет. Перед этим он принял мона-

шество под именем Петра и через несколько дней был возведён в сан архимандрита. В 1830 г., в возрасте 65 лет, архимандрит Пётр вернулся в Россию и поселился в монастыре г. Городца. Ему предлагали стать настоятелем (об этом была даже предварительная договорённость), но он отказался.

В 1831 г. архимандрит Пётр подарил Публичной библиотеке Петербурга 48 китайских, маньчжурских и монгольских рукописей и ксилографов, которые привёз из Пекина по просьбе директора Библиотеки А.Н. Оленина. В целом он передал в семинарию и гимназию Иркутска, Публичную библиотеку Петербурга, библиотеку Московского университета, библиотеку Петербургской духовной академии и в Азиатский департамент более ста книг.

При жизни Каменский опубликовал только две статьи. Дневники его, которые он называл «записками», через Азиатский департамент разошлись по разным российским архивам. Эти дневники заполнены переводами проповедей на китайский язык, богословскими афоризмами, выписками из книг конфуцианцев, античных философов и богословской литературы. Примечательно, что Пётр Каменский, вероятно одним из первых в истории европейской цивилизации, попытался сравнить две крупнейшие религии – христианство и конфуцианство. Об этом свидетельствуют его переводы изречений Конфуция на латинский и русский язык и довольно часто встречающиеся замечания о том, что у китайцев такая же высокая нравственность, как и у христиан.

Анализ неопубликованных работ П.И. Каменского, особенно «Мунгальской истории о деяниях Чингисского рода», которая и положена в основу «Юаньского проекта» новосибирских учёных¹, позволяет утверждать, что Н.Я. Бичурин был не единственным пионером в области монголоведения, как считалось до сих пор. В определённом смысле архимандрит Иакинф опередил архимандрита Петра, о чём последний

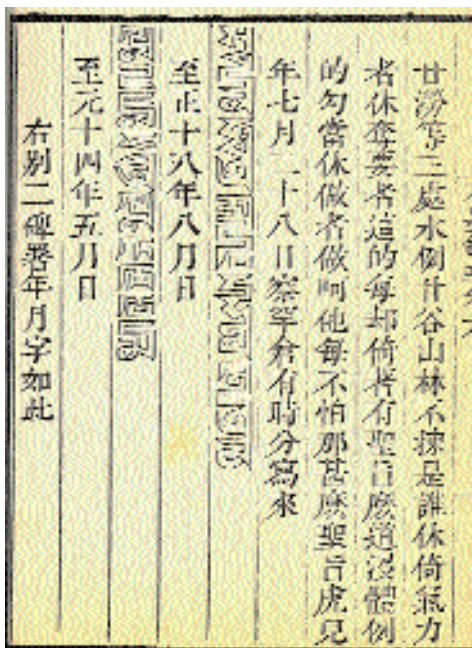
Архимандрит Пётр (Каменский). Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Фото С. Шевельчинской.

очень сожалел: «Я перевода моего не успел издать, через Министра Просвещения князя А.Н. Голицына удостоился поместить в Императорскую С.П.бургскую публичную библиотеку, со многими моими другими переводами в манускриптах», – записывает он в дневнике 23 июня 1842 г.²

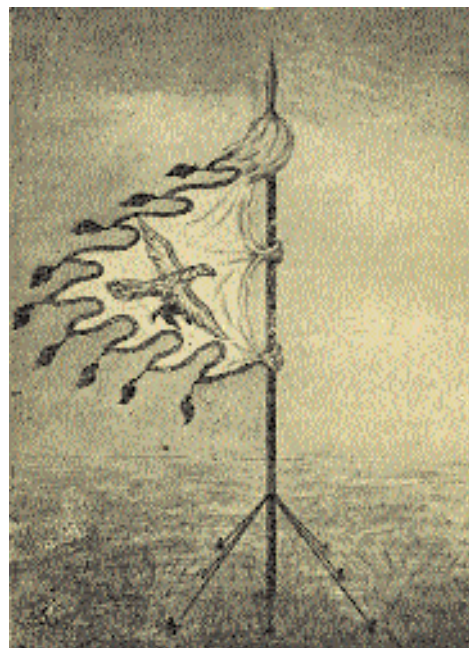
Нам видится здесь, однако, ещё одна проблема, значимая до сих пор. Н.Я. Бичурин считал, что основной массив литературы существует на китайском языке, а издания на маньчжурском – лишь переводные, поэтому ещё в Пекине он оставил занятия маньчжурistikой. На протяжении XIX столетия к маньчжурскому языку и литературе сложилось достаточно негативное отношение, в чём сказалась и упомянутая выше близость европейского видения истории кочевников к китайскому.

¹ Архив Востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 24, оп. 1, ед. хр. 25.

² Цитируемый в статье дневник П.И. Каменского хранится в Архиве Востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 24, оп. 1, ед. хр. 16.

Надпись на монгольском языке, которая является редким образцом монгольского алфавита времён династии Юань. Из книги «Ши мо цзюаньхуа».

Родовое знамя Чингисхана. Серый кречет, несущий жертву – ворона, считался хранителем рода Чингисхана. Рисунок сделан по описанию знамени в «Сокровенном сказании».

Эта ситуация отразилась и в полемике Каменского и Бичурина. По мнению Каменского, маньчжурский вариант «Юань ши» лучше китайского, который был положен в основу перевода Бичурина. Перевод Иакинфа ему очень не нравился: «с великою скукою читаю записки Иакинфа о Мунгалии», «читаю чрезмерно скучный перевод монаха Иакинфа Мунгальской истории – чрезмерно мелкие подробности трудно соображать и сосредоточивать» (записки в дневнике от 23 и 26 июня 1842 г.). Он считал, что переведённая им «история относительно Чингисского дома гораздо яснее и полнее». К столь категоричному заявлению архимандрита Петра следует отнестись с осторожностью. В нём проглядывает некоторая идеализация империи Цин. Каменский считал, что маньчжурская династия – «мудрейшая и политичнейшая, не смотря на варварское и степное её происхождение», причиной чему было то, что «Канси воспитан иезуитами», которые «вдохнули» в него «мудрые управы». Бичурин же всегда, как известно, выступал против слепого преклонения перед Европой. Сказались и натянутые личные отношения двух выдающихся учёных. Мягкий по натуре и глубоко религиозный, особенно во второй половине жизни, П.И. Каменский был полной противоположностью Н.Я. Бичурину. Вероятно именно поэтому он и обвинял своего предшественника на посту

руководителя духовной миссии в многочисленных религиозных проступках и нравственной распущенности. Данное обстоятельство и личные обиды не могли не усугубить необъективное отношение к исследованию Иакинфа.

Вряд ли можно назвать Каменского и высшей инстанцией в вопросах китайской истории. Хотя Бичурин владел лишь китайским языком, но богатство информации и изощрённые методы её сбора и интерпретации в китайских исторических сочинениях дало ему возможность великолепно изучить китайскую историю – как древнюю, так и более или менее современную ему. Каменский же знал китайский язык плохо и китайскую культуру рассматривал во многом с европоцентристских и ортодоксальных христианских позиций. По свидетельству современника, «архимандрит Пётр, после 20-летних своих занятий китайским языком, не мог понимать ни одной строки в книгах буддистов и не стыдился перед нами называть их: «непостижимым мраком обаяния». О его недооценке китайской культуры говорит и то, что главной задачей прибывающих в Китай христиан он считал распространение «единственно правильной» христианской религии. Его попытки сравнить христианские и конфуцианские идеи нужно понимать как стремление в духе своего времени найти

возможность замены конфуцианских ценностей на христианские.

Итак, маньчжурская версия «Юань ши» оказалась практически абсолютно неизвестна широкому кругу исследователей. Если учесть, что одновременно с бичуринской работой вышла в переводе И.Я. Шмидта монгольская летопись «Эрдэни-йин тобчи» Саган-Сэцэна (1662), то своевременная публикация перевода П.И. Каменского могла бы уже тогда создать новую ситуацию, благоприятную для изучения юаньского периода в истории Восточной Азии. Окажись в распоряжении исследователей все три перевода, стали бы известны китайская, маньчжурская и монгольская версии исторических событий. К сожалению, этого не произошло, и в известной степени по этой причине возобладала точка зрения западных исследователей, трактов-

вавших историю монголов на основе сочинений антимонгольски настроенных китайских, мусульманских и средневековых западноевропейских авторов.

И вот теперь фактически впервые появляется возможность взглянуть на историю XIII–XIV вв. комплексно, с учётом всех сложившихся историографических традиций – китайской, монгольской, маньчжурской, мусульманской, латинской и русской. Это особенно важно, если учесть всё ещё довольно слабую разработанность монгольской средневековой истории.

Можно надеяться, что издание перевода «Дайюань гуруни судури» и сопровождающий его материал станет означать возвращение российских маньчжуристики и китаеведения на стезю, проложенную изначально отечественными исследователями.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книг:

Иакинф (Бичурин). Записки о Монголии. СПб., 1828. РГБ: F 26/222;

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. РГБ: U 479/369;

Автобиография Тимура и богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире. М., 1934. РГБ: Z 46/53.

История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент.

А.Г. Малявкина. Новосибирск, 1998. РГБ: 1 00-16/131.

История монголов. М., 2005.

Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М, 1995.

РГБ: 2 96-3/114; 115.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

РГБ: Б 77-7/283; 284.

Хохлов А.Н. П.И. Каменский и его труды по истории Китая //

Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института востоковедения АН СССР. М., 1970. РГБ: Б 71-2/537; 538.

Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2004.

РГБ: 2 04-41/178.

Шаталов О.В. Архимандрит Пётр (Каменский) и Десятая Российская православная миссия в Пекине // Исторический вестник. М., Воронеж, 2000. № 2 (6).